

0-496268

На правах рукописи

ГОРБУНОВА Елена Тимофеевна

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ
В ДРЕВНЕНОВГОРОДСКИХ ПИСЬМАХ
НА БЕРЕСТЕ**

Специальность 10.02.01 -- русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тольятти -- 2012

Работа выполнена на кафедре русского языка и литературы ФГБОУ ВПО «Тольяттинский государственный университет»

Научный руководитель

Мустафина Эльмира Камиловна,
кандидат филологических наук, доцент

Официальные оппоненты:

Урунова Ранса Джавхаровна
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Ульяновский
государственный университет»,
профессор кафедры
филологии

Килина Лилия Фаатовна
кандидат филологических наук,
доцент,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский
государственный университет»,
доцент кафедры
русского языка и его истории

Ведущая организация:

ОАНО ВПО «Волжский университет
им. В.Н. Татищева» (институт)

Защита состоится «28» мая 2012г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.275.07 при ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корпус 2, ауд. 221.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», с авторефератом – на сайте УдГУ: www.lib.udsu.ru

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

Автореферат разослан «25» апреля 2012 г.

0000788471

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологический наук, доцент

Н.Г. Медведева

Реферируемое диссертационное исследование выполнено в русле современной антропоцентрической парадигмы знания и посвящено анализу способов языковой объективации авторской модальности в древненовгородских грамотах. Модальность вот уже несколько десятилетий является объектом неослабевающего внимания исследователей, которое стало особенно заметным в связи с активной разработкой функциональной семантики и развитием когнитивной лингвистики.

Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью древнерусских текстов в аспекте проявления авторской модальности. Исследования в этом направлении проводились исключительно на материале художественных текстов XIX-XX вв., к изучению модальности в древнерусских текстах лингвисты практически не обращались. Исключение составляют работы А.В. Опариной «Специфика проявления авторской модальности в списках «Повести временных лет» (лексико-грамматический аспект)» [Опарина, 2004] и О.А.Трапезниковой «Языковая репрезентация авторской модальности в торжественных словах Кирилла Туровского» [Трапезникова, 2012]. В этой связи возникает настоятельная необходимость в исследованиях, посвященных анализу способов объективации авторской модальности в древнерусских и старорусских текстах разных жанров, что в дальнейшем позволит представить процесс формирования модальности как языковой категории и проследить эволюцию средств и способов ее актуализации.

Объектом исследования является модальность новгородских частных писем на бересте.

Предметом настоящего исследования стали средства и способы актуализации авторской модальности в древненовгородских берестяных грамотах.

Цель диссертационного исследования – выявление и интерпретация языковых средств выражения авторской модальности в берестяных грамотах.

Достижение этой цели предполагает решение следующих **задач**:

- определить, какую роль играет феномен авторской модальности в языковой системе, рассмотреть классифицирующий и модифицирующий характер явления модальности и доказать ее категориальную сущность;
- охарактеризовать содержание и структуру категории «авторская модальность» в древнерусском тексте, учитывая особенности грамот как эпистолярного жанра;
- проанализировать существующие на сегодняшний день основные принципы и приёмы анализа древнерусских текстов в аспекте экспликации авторской модальности;
- разработать и верифицировать методику комплексного анализа языковой репрезентации авторской модальности в древнерусском тексте на материале берестяных грамот;

- охарактеризовать ценностную позицию, коммуникативные установки авторов писем;

- рассмотреть исследуемый материал в гендерном аспекте.

Методологическую основу составили исследования как по общей теории модальности, так и по теории модальности текста (Л. Г. Барлас, М. М. Бахтина, А. В. Бондарко, В. В. Виноградова, О. Е. Вихрян, Н. С. Валгиной, И. Р. Гальперина, В. В. Гиппиуса, И. П. Ильина, В. В. Кожина, Б. О. Кормана, Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана, М. В. Ляпон, В. А. Масловой, М. Г. Милутиной, Е. В. Падучевой, Е. А. Половой, В. И. Тюпа и др.), посвященные текстовой модальности, проблеме соотношения понятий «автор», «образ автора», «авторская модальность». При анализе языка древнесовгородских грамот мы опирались на работы А. А. Зализняка, В. Л. Янина, А. В. Арциховского, Н. И. Мещерского и др.

Методы исследования. Задачи работы, а также сам материал древненовгородских грамот предполагают ведущий метод исследования – контекстно-ситуативный, или описательный, который включает в себя основные приемы синхронного анализа – аналитическое наблюдение, лингвистическое обобщение, сопоставление; в работе также широко используется метод контекстного анализа и метод экстралингвистической интерпретации языковых фактов.

Таким образом, за исходную основу в работе принимается функциональный подход, который предполагает отправление от текста как определенного уровня реализации форм. В связи с этим основным в исследовании является прежде всего углубленный анализ широкого контекста и изучение конситуации, в которой используются интересующие нас формы. Особое внимание к анализу контекста диктуется двумя причинами: во-первых, это позволяет выявить коммуникативные потребности пишущего, т.е. его коммуникативное задание, во-вторых, изучение смысла высказывания, которое имеет в виду автор грамоты и которое вызывает необходимость употребления той или иной формы, своим лексическим и грамматическим значением соответствующей цели высказывания, в котором функционируют модальные языковые единицы, предостерегает исследователя от традиционной ошибки – рассмотрения фактов древнерусского языка с позиций носителя современного русского языка, т.е. от привнесения современных языковых представлений.

Функциональный подход, как известно, предполагает «движение от речи, как чего-то непосредственно данного, к языку, который в виде системы реален лишь в идеальном плане, и от функциональных потребностей к формальным средствам, с помощью которых они удовлетворяются» [Матезиус, 1967; 228]. В связи с этим анализ направлен от изучения текста к выяснению коммуникативных потребностей пишущего, от коммуникативной установки к значению, и от значения к форме. Правомерность именно такого направления исследования от данного к искомому объясняется тем, что единственно непосредственно «данным» является текст грамоты с его целевым назначением, который находит выражение в определенных конструкциях, одной из составных частей которого являются интересующие нас языковые средства, объективирующие авторскую модельность. Скороткий путь от формы к

содержанию представляется менее удачным, так как применительно к древнерусскому языку вряд ли правомерно заранее приписывать форме какое-либо определенное значение. Только целевой установкой пишущего и сферой реализаций высказываний, в составе которых функционируют модальные формы, обуславливается использование в древнерусском языке той формы, которая своим лексико-грамматическим значением соответствует цели и смыслу высказывания [Бондарко, 1971; 49].

Материалом для исследования послужили древненовгородские частные письма на бересте XI-XV вв. Картотека включает в себя 100 единиц – различных по объему и содержанию грамот, из которых 30 писем были рассмотрены в аспекте выражения модальных значений. В диссертационном исследовании представлен подробный анализ 15 берестяных грамот.

Научная новизна диссертации:

- впервые исследуется авторское присутствие и средства его обнаружения в таких специфических древнерусских памятниках, как берестяные грамоты;
- разрабатывается методика комплексного анализа языковой репрезентации авторской модальности в древнерусском тексте;
- применяется гендерный подход в описании языкового материала берестяных грамот.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Древненовгородские письма на бересте представлены большим числом видов, обладающих широким грамматическим варьированием, репрезентирующих одну жанровую модель, что проявляется в реализации интенции межличностного общения, стереотипности структурно-композиционной организации текстов, этикетности (использовании в общении речевых формул, присущих именно данному жанру).
2. Яркой стилеобразующей характеристикой древненовгородских писем на бересте является широкое предъявление различных образных средств в целях максимального выражения авторской модальности, что проявляется в тексте писем на бересте на разных уровнях языка: лексическо-фразеологическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом. Дополнительно актуализируют авторскую позицию различные языковые средства контекстуального окружения, уровень концентрации использования которых в тексте служит маркером образованности, психологического состояния автора письма.
3. Ведущими средствами, эксплицирующими авторскую модальность в грамотах, являются: на лексико-фразеологическом уровне – экспрессивно-оценочная лексика, устойчивые сочетания, глаголы с модальным значением; на словообразовательном – аффиксы субъективной оценки; на морфологическом – личные глаголы 1, 2 лица единственного числа, формы сослагательного наклонения и императива, формы сложных будущих времен, независимый инфинитив; на синтаксическом – обращение, вводные слова, инверсия, условные конструкции. В некоторых случаях модальность выражается имплицитно, что требует тщательного контекстологического анализа.

4. В гендерном аспекте древненовгородские грамоты обнаруживают различия в тематике, наборе средств и способов актуализации модального значения. Степень проявления субъективной модальности связана с тематикой писем. В женских грамотах, отличающихся большим жанровым разнообразием, модальность текста обнаруживается четко и последовательно. Язык женских грамот более эмоционален, с тщательно подобранной лексикой, грамматическими и синтаксическими конструкциями, передающими тонкие нюансы смысла. В мужских письмах, более скромных в жанровом отношении и стереотипных по форме, субъективное отношение адресанта проявляется менее ярко. Здесь меньше выразительных лексических средств, устойчивых выражений, они более сдержанны.
5. Последовательный и тщательный анализ языковых средств репрезентации авторской модальности в древненовгородских письмах на бересте позволяет определить отношение адресанта к описываемой ситуации и ее участникам, к адресату, понять его характер, психологическое состояние, социальное положение, т.е. представить образ автора послания.

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в разработку «теории автора» и методик анализа центральной текстовой категории в текстах «нехудожественных» жанров. Настоящая работа конкретизирует и уточняет научные характеристики категории «автор» в текстах русского средневековья, основные понятия, связанные с ее реализацией в памятниках древнерусской письменности. Полученные результаты могут быть использованы для выявления языковой активации авторской модальности в древнерусских текстах разных жанров и стать составной частью описания динамики становления категории модальности в современном русском языке. Реферируемая работа расширяет теоретическую и практическую базу исследований в области исторической грамматики, стилистики, коммуникативной лингвистики.

Практическая значимость данной работы определяется возможностью использования результатов и выводов проведенного исследования при описании и анализе языковых особенностей средневековых русских текстов для уточнения содержания и адекватного перевода текстов берестяных грамот на современный язык, материалы работы могут быть также использованы в лекционном и практическом курсах истории русского языка, культурологии, истории.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были изложены в докладах на I Всероссийской конференции «Текст: теория и методика в контексте вузовского образования» г. Тольятти (2003г.), на XII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» г. Москва (2005г.), на II Международной конференции г. Тольятти (2006г.), на IV Международной мемориальной научной конференции «Предложение и слово» г. Саратов (2007г.). Промежуточные результаты исследования отражены в 12 научных публикациях по теме диссертации, в том числе в 3 изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы (163 наименования), списка справочной литературы (18 наименований), приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении определяются объект и предмет исследования, обосновывается актуальность темы диссертации, намечается цель и формулируются задачи работы, раскрывается ее научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность, дается представление о материале и методике исследования.

Первая глава диссертационного исследования *«Модальность как объект изучения в лингвистике»* содержит систематизацию знаний лингвистики о категории модальности на пути к авторской модальности, а также обоснование глобального характера авторской модальности в качестве основной категории текста, формирующей его антропоцентричность.

Изучение модальности и способов ее языковой объективации в текстах разных жанров проводится современной лингвистикой в аспекте антропоцентрической парадигмы знаний. Вслед за М.В. Ляпон, Ю.М. Лотманом, И.Р. Гальпериным и В.А. Масловой, считаем, что антропоцентричность текста состоит в том, что тексты создаются людьми, для людей и при помощи специфических человеческих средств.

История изучения категории модальности приводит к постепенному отказу от противопоставления объективного и субъективного аспектов модальности, к трактовке её как монолитной категории, суть которой составляют субъективные отношения, исходящие от говорящего. В современной лингвистике объём понятия «модальность» существенно расширился, охватывая, по существу, все возможное окружение пропозиции, любой коммуникативный модус (Таривердиева 1987): модус говорения, знания, мнения, оценки.

В диссертационной работе, вслед за А. В. Бондарко, М.Г. Милютиной, С. С. Ваулиной, Н. Е. Петровым, Н. Ю. Павловской и др., категория модальности трактуется широко в аспекте функционально-семантического подхода как категория, которая выражает отношение субъекта, автора речи к объекту, предмету речи и репрезентируется разноуровневыми языковыми средствами: 1) оценочной лексикой; 2) модальными словами и частицами; 3) специальным лексико-грамматическим классом слов, а также функционально близкими к ним словосочетаниями и предложениями; 4) словообразовательными аффиксами; 5) порядком слов; 6) междометиями; 7) композиционными приемами.

Впервые модальность как текстовую категорию обозначил И.Р. Гальперин (1981). Не вводя дефиницию, он представил сущность категории модальности текста через ряд признаков: «объективная по природе, в тексте носит не грамматический, а функционально-семантический характер, проявляясь неравномерно в разных фрагментах текста и выражаясь через характеристику героев, распределение отрезков текста, сентенции автора, актуализацию отдельных частей текста и т.д.» [Гальперин, 1981; 36]. На формирование текстовой модальности существенно влияют экстралингвистические факторы (объект изображения, личность автора,

особенности его мировосприятия и др.). Отметим, что для нашего материала определить влияние экстралингвистических факторов представляется затруднительным.

Указанные И.Р. Гальпериным [Гальперин, 1981; 139] речевые и логические критерии текста (информативность, целостность, завершенность, связность (интегративность), членимость, ретроспекция, проспекция, автосемантизация отрезков текста, коммуникативная направленность) детерминированы такой категорией, как модальность. Таким образом, модальность – обязательная категория текста.

Функциональная предназначенность категории модальности состоит в обеспечении единства и целостности текста как системы. Эта категория играет исключительно важную роль в организации текста, выступая как логико-композиционный компонент высказывания, и на уровне текста она обладает более своеобразным набором средств выражения по сравнению с другими текстовыми категориями, а в крупных текстах – сложным взаимодействием средств актуализации модальных значений.

Следует акцентировать, что модальность вообще и авторская (субъективная) в частности более всего разработана по отношению к художественному тексту, причем современному, древнерусский нехудожественный текст до сегодняшнего времени в этом аспекте не является предметом исследования лингвистов.

Дальнейшим шагом в изучении категории модальности в текстовом аспекте можно считать идентификацию автора в качестве *субъекта текста* и введение термина «авторская».

На уровне лингвистики суггестивный характер авторского творчества может быть соотнесён с категорией интенциональности, то есть коммуникативно-целевой семантики текста, зависящей от установки автора произведения, от его точки зрения, которая определяет не только отнесённость произведения к тому или иному литературному роду и жанру, но и выбор лексико-грамматического материала, актуального для выражения интенции автора.

Под интенциональностью, вслед за А.В. Бондарко, подразумеваем «намерение автора, то, что он хочет выразить с точки зрения отношения обозначаемых ситуаций к смыслам, охватываемым такими категориями, как время (и шире – темпоральность), вид и другие средства выражения характера протекания действия во времени, временные отношения одновременности / неодновременности, реальность / ирреальность, временной локализованности / нелокализованности, персональности» [Бондарко, 1994; 33]. В данном случае рассматривается связь семантических функций грамматических форм с намерениями автора (говорящего), с коммуникативными целями речемыслительной деятельности, способность содержания, выражаемого данной формой (в её взаимодействии со средой), быть одним из актуальных элементов речевого смысла.

Таким образом, категорию модальности рассматриваем с учётом интенциональности – целевой коммуникативной установки автора. Это

особенно важно для настоящего исследования, так как именно в эпистолярных очень ярко цель детерминирует выбор модальных средств.

В этом смысле эпистолярные древнерусские тексты – это объективная данность, результат реализации языковой личности автора, это феномен культуры, обладающий безусловными чертами интеллектуальной личности, существующий уже независимо от создателя текста, воздействие субъективного (личностного, человеческого) фактора на характер, структуру и итоговый смысл текста уже совершилось при его создании и теперь заложено в нём самом. Иными словами, текст является одновременно и средством, и результатом реализации языковой личности автора.

Проблема авторской модальности сопрягается с проблемой «образа автора», которая находит свое отражение во многих научных трудах и выражается в терминологическом разнообразии в обозначении одного и того же понятия («образ автора» (В. В. Виноградов); «автор-творец», «первичный автор», «вторичный автор» (М. М. Бахтин); «концептированный автор», «субъект речи», «субъект сознания» (Б. О. Корман); «образ повествователя/рассказчика»; «голос автора» (И. Б. Роднянская, В. В. Кожинов); «авторская модальность» (И. Р. Гальперин, Л. Г. Барлас, О. Е. Вихрян, Н. С. Валгина); «авторская позиция»; «имплицитный / подразумеваемый автор», нарратор, фокализатор (Е. В. Падучева, В. И. Тюпа, И. П. Ильин и др.). Однако уже с 20-х годов XX века термин «образ автора» получает наибольшее распространение.

Понятие «образ автора» в других стилях и жанрах существенно отличается от художественного.

«В текстах иной жанровой принадлежности выражение авторства является принципиально важным для писателя, поскольку его главная цель – открыто донести до читателя свои мысли, свои представления и свои оценки. Поэтому степень авторизации здесь чрезвычайно высока и авторская модальность всегда эксплицирована» [Ваулина, 2007, с. 102].

Так, «для публицистики важен не образ автора, а автор как конкретная личность, его взгляды, общественная позиция, даже личные качества. Если в художественной литературе лицо, от которого ведется повествование, и автор принципиально неотожествимы, то в публицистике нет посредствующих звеньев между автором и текстом» [Чибук, 2010; 2].

А для текстов научно-учебного и научно-делового стиля характерна эксплицитность выражения авторской позиции.

Для научно-популярного жанра представляется более целесообразным говорить не об «образе автора», а скорее о «позиции автора», «так как здесь речь идет о различных средствах выражения отношения автора к предмету сообщения, а также авторской оценки существующих научных взглядов, теорий, мнений и т.д.» [Муранова, 2006; 240].

Думается, что по отношению к новгородским грамотам следует говорить об образе автора равно автору писем на бересте и, анализируя способы языковой объективации авторской модальности, мы в своем исследовании конструируем языковую личность как носителя национального языка и культуры.

Эпистолярный жанр отличает, с одной стороны, совпадение образа автора и автора письма, т.е., в отличие от образа автора художественного произведения, он не обладает многоплановостью, он прозрачен, так как интенция прочитывается вполне ясно, однако, с другой стороны, по отношению именно к древненовгородским грамотам образ автора – это понятие обобщенное, дающее нам, современникам, возможность представить жизнь простых людей, их интересы, проблемы, переживания.

Во второй главе *«Языковые средства выражения авторской модальности в новгородских частных письмах на бересте»* рассматриваются новгородские частные письма на бересте как уникальный памятник древнерусской письменности; на основе тщательного комплексного лингвистического анализа раскрываются особенности выражения авторской модальности в новгородских грамотах.

Берестяные грамоты, письма и записи на коре берёзы – уникальные памятники письменности Древней Руси XI-XV веков. Они представляют бесспорный интерес как источники по археологии, истории русского общества, по изучению повседневной жизни Древней Руси, а также по истории русского языка.

Основной массив берестяных грамот составляют тексты, в той или иной степени отражающие конкретные жизненные ситуации, участниками которых становятся обычные горожане Новгорода, связанные между собой родственными, денежными, имущественными, торговыми и административными связями. Так как берестяные тексты в меньшей степени были подвержены влиянию староцерковнославянского языка, они – в отличие от иных исторических источников – действительно отражают тот язык, на котором говорили восточные славяне данного региона.

Кроме этого, берестяные грамоты – с их ориентацией на повседневную жизнь – расширяют диапазон текстовых жанров. В отличие от юридических документов, которые также были относительно мало подвержены влиянию со стороны церковнославянского языка, берестяные тексты обладают более широким набором разнообразных языковых средств, т. е. являются менее шаблонными. Таким образом, письма на бересте восполняют большой пробел в истории русского языка, являясь древнейшими памятниками восточнославянской средневековой письменности.

Социальный состав авторов и адресатов писем весьма широк. Среди них не только представители титулованной знати, духовенства и монашества, но также купцы, старосты, ключники, воины, ремесленники, крестьяне и другие лица. В переписке принимали участие женщины, выступающие в роли как адресата, так и автора грамоты.

Тексты на бересте разнообразны в жанровом отношении. Для нас важны грамоты, достаточно полные в информационном плане, представляющие непосредственный интерес с лингвистической точки зрения, затрагивающие различные стороны жизни и написанные людьми разных сословий как мужчинами, так и женщинами. Образ автора в грамоте чаще всего приходится искать, заглядывая сквозь время, реконструируя ситуацию с большей или

меньшей гипотетичностью, находя необычные речевые и стилистические особенности.

Грамоты на бересте являются прежде всего частной перепиской и текстами делового содержания самых широких слоёв населения. Язык берестяных грамот сильно отличается от языка древнерусской письменности на пергаменте, в нем более свободно отражаются многие диалектные черты новгородцев. С точки зрения близости к живой диалектной речи письма на бересте образуют такой класс источников, который с XI-XIV вв. практически отсутствовал.

Берестяные письма – источник нового типа, позволяющий интегрировать знания по истории, археологии, филологии. Соединение материалов археологии и лингвистики привело, по мнению В.Л. Янина, к формированию важнейших результатов совместного исследования: новгородский диалект имеет восходящие к древности отличия от других восточнославянских диалектов, что указывает на особый путь славянского заселения русского Северо-запада [Янин, 2004; 22].

Открытие и изучение берестяных грамот, не прошедших, в отличие от традиционных письменных источников, ...сквозь «сито» книжных языковых норм» [Поньрко, 1992; 304], позволило не только описать древненовгородский диалект как систему и предложить ряд гипотез о её формировании, не только выявить распространение грамотности в разных социальных сферах новгородского (и древнерусского в целом) общества, но и поставить вопрос об уровне письменной и в какой-то мере литературно-языковой культуры авторов берестяных писем.

Неоднократно высказывалось мнение, что язык берестяных грамот не имеет никакого отношения к древнерусскому литературному языку, поскольку они представляют собою лишь непосредственное отражение живой разговорной речи древних новгородцев. (В. В. Виноградов, А. И. Горшков). Не склонен рассматривать берестяные грамоты как памятники древнерусской эпистографии и Д.М. Буланин: «Ни одна из новгородских берестяных грамот не может расцениваться как литературное письмо, ни в одной из них мы не найдем даже намёка на литературную стилизацию...Ограниченные практической сферой употребления, они не входят в компетенцию истории литературы. При всём желании мы не можем говорить о литературном этикете берестяных грамот» [Буланин; 182]. Соглашаясь с тем, что большинство берестяных грамот не принадлежит к так называемым высоким жанрам литературы Древней Руси, отметим, что сами понятия «литература» и «литературный язык» относительно русской средневековой письменности зависят от объема и характера письменных источников, которыми оперируют исследователи.

Противоположную точку зрения высказал Н.А. Мещерский в статье «Новгородские грамоты на бересте как памятник древнерусского литературного языка» [Мещерский, 1958; 93-108]. Он, проанализировав большое количество берестяных листов, поставил вопрос об «особом эпистолярном» стиле в Древней Руси, о сложении этикетных эпистолярных формул, отсылающих (как в случае с *добрѣ створѣ*) к эпистолярным

традициям эллинистического Востока и даже античной Греции. Он считал, что язык частной переписки не может быть оторван от всех остальных ранее известных нам письменных источников древнерусского языка, как деловых, так и переводных [Мещерский, 1962; 147].

Относя по формальным признакам берестяные грамоты к не книжной письменности, следует, однако, учитывать то принципиальное различие между «письменной» и «устной» речью в зависимости от типа высказывания, о котором писал Ю.М. Лотман [Лотман; 184-190]. Соглашаясь с исследователем, считаем, что, располагаясь за пределами жанровой системы памятников древнерусской литературы, берестяные грамоты остаются памятниками древнерусской языковой культуры. Они находятся в зоне пересечения книжных традиций и устной речевой практики.

Именно этим можно объяснить тот факт, что во многих грамотах можно обнаружить следы взаимодействия устной и письменной традиции.

В языке берестяных грамот связь с общим литературно-письменным языком древнейшей эпохи ярко прослеживается через использование авторами этих грамот устоявшихся речевых трафаретов, закрепленных длительной традицией. В приёмах такого «литературного этикета» (термин Д. С. Лихачева) мы можем усматривать один из признаков литературного языка, «обработанного мастерами».

Предметом исследования в реферируемой работе являются средства выражения авторской (субъективной) модальности в текстах берестяных грамот.

Категория модальности -- это универсальная семантическая категория, которая принадлежит к числу основных языковых категорий и пронизывает различные уровни языковой системы, и прежде всего лексический, морфологический и синтаксический. Она является важным системообразующим фактором любого текста. Не составляет исключение и древнерусский текст, в том числе и такой уникальный, как берестяная грамота.

Заметим, что филологическое и лингвистическое исследование писем на бересте сопряжено со специфическими трудностями, которые не характерны для изучения, например, современных текстов, и даже других древнерусских памятников (например, летописей, юридических документов, духовной литературы). Эти трудности определяются многими причинами. Основными из них, на наш взгляд, являются следующие: большинство грамот плохо сохранилось; во многих случаях грамоты очень кратки, что не позволяет при анализе опереться на контекст; в языковом отношении берестяные письма таят в себе много неожиданностей, при разгадке которых материал традиционных источников часто не помогает, а в отдельных случаях даже вводит в заблуждение. Поэтому интерпретация содержания грамот может быть различной у разных исследователей. Кроме того, зачастую современный носитель русского языка подходит к комментированию содержания древних текстов (в том числе и грамот) с позиций современного состояния русской языковой системы, современного русского сознания и понимания явлений окружающей действительности и отношений в обществе, что во многих

случаях не дает возможности адекватного восприятия содержания древнего текста.

Берестяные грамоты оригинальны, в отличие от подавляющего большинства дошедших до нас памятников XI – XV веков, имеющих варианты (списки), сопоставляя которые можно более или менее точно восстановить значение используемых языковых средств, а, следовательно, и отношение автора текста к описываемому событию. Поэтому в письмах возможны непосредственные наблюдения над их языком, не осложненные предположениями о том, какие из наблюдаемых особенностей принадлежат писцу, а какие перенесены из оригинала. В связи с этим при анализе средств выражения авторской модальности в берестяных грамотах необходим глубокий и тщательный анализ всего контекста, изучение конситуации, описываемой в письме, в которой автор использует те или иные формы, чтобы понять *как, зачем и почему* он их употребляет, какие модальные оценки он актуализирует.

Что мы можем узнать об авторе письма, основываясь на языковых особенностях грамоты? Кем он был, древний новгородец? Многие исследователи утверждали, что берестяные грамоты писались малограмотными людьми, поэтому в них можно встретить большое количество ошибок или опусков. Однако, проанализировав язык писем, мы пришли к выводу, что древние новгородцы прекрасно знали азбуку и хорошо ею владели. А если опуски и встречаются, нам представляется, что каждая из них вполне объяснима, она несет свою информацию об авторе, его психологическом состоянии, его отношении к адресату или описываемой ситуации, таким образом, почти в каждом письме угадывается личность адресанта.

В ходе данного исследования мы обращаемся к анализу не всего корпуса новгородских берестяных грамот, известных к настоящему времени, так как, с одной стороны, сегодня известно более 1000 писем на бересте и проанализировать каждое в диссертационном сочинении невозможно, а с другой, они представляют очень разнородный по характеру и содержанию материал, к анализу которого трудно применить единые основания. Поэтому мы остановились на подробном исследовании средств репрезентации авторской модальности наиболее интересных в этом отношении писем, представляющих достаточно полные в плане содержания и объемные тексты, дающие возможность привлекать широкий контекст с целью более точного понимания мельчайших нюансов смысла, заложенного в послании древнего русича.

Исследовательский корпус текстов представлен 100 грамотами, из них подробному анализу подверглись 15 писем, относящихся к периоду XI-XV вв. и написанных разными авторами. В жанровом отношении исследованные послания на бересте разнообразны: это частная бытовая переписка, включающая сообщения на хозяйственные, семейные, денежные, торговые темы, любовные записки, челобитные, жалобы.

При анализе средств объективации авторской (субъективной) модальности в грамотах, исследование проводилось на различных языковых уровнях: лексико-фразеологическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом. Однако для такого специфического оригинального древнерусского текста, каким являются рассматриваемые памятники, методика

исследования текста в плане проявления субъективной модальности, в отличие от современного текста, заключается, прежде всего, в скрупулезном и последовательном (пословном) анализе используемых автором языковых средств, позволяющем обнаружить отношение автора к описываемым событиям, предметам и лицам, их поведению и поступкам, к адресату своего послания, что дает возможность охарактеризовать языковую личность, образ автора. Поэтому в работе не везде удалось четко выдержать поуровневый анализ средств проявления субъективной модальности, так как во многих случаях авторская интенция может быть понята и объяснена только при совокупном анализе языковых средств всех уровней одновременно. Кроме того, в некоторых письмах авторская модальность выражена имплицитно и может быть выявлена только при тщательном изучении всего контекста в целом. При этом особенно перспективным представляется рассмотрение способов объективации авторской модальности в гендерном аспекте, так как, во-первых, значительная доля берестяных грамот адресована женщинам или написана ими самими, а во-вторых, даже поверхностное, предварительное знакомство с такими посланиями дает основание говорить о значительном их отличии от мужских писем как в плане тематики, так и в отношении языковых предпочтений.

На основании изучения женских грамот современный читатель вполне может составить представление о том, какое место занимала женщина в жизни новгородского общества, каковы ее взгляды на различные жизненные ситуации, её отношение к мужу, детям, другим близким и дальним родственникам.

Первоначально исследователями предполагалось, что большая часть женских грамот написана писцом или просто грамотным человеком, однако тот факт, что некоторые письма очень эмоциональны, содержат конфиденциальную информацию, адресованы лицам, существование которых может повредить репутации женщины в обществе, заставляет предполагать невозможность использования в таких ситуациях третьего лица (писца или иного грамотного человека, прежде всего мужчины), которому нужно было бы сообщить свои секреты, тайные помыслы и поступки.

Анализ мужских грамот далеко не всегда дает возможность понять, пользовался ли автор услугами писца, так как в них меньше ошибок и описок, которые можно было бы отнести за счет психологического состояния, волнения, избытка чувств и др. Это может объясняться как меньшей эмоциональностью автора-мужчины, так и квалификацией писца. В целом, исследование языковых особенностей мужских писем позволяет представить образ средневекового мужчины, немногословного, деловитого, занятого решением разнообразных проблем, прежде всего хозяйственных, финансовых, реже бытовых.

Методику предложенного в работе исследования и специфику использования языковых средств репрезентации авторской модальности в женских и мужских грамотах проиллюстрируем на примере анализа следующих двух грамот.

Первое послание представляет собой письмо-просьбу, составленное некоей Анной и адресованное брату.

Грамота №531 (конец XII начало XIII в.в.)

Внутренняя сторона

Ї Ане покло ко климате брате господине попецалоуи о моемо ороудье коснатиноу а ныне извета емоу людеми како еси возложило пороукоу на мою сестроу и на дочерь еи назовало еси сътроу мою коровою и дочере бладею а нынеца фео прехаво оуслышаво то слово и выгнало сестроу мою и хотело потати а нынеца господине брате согадаво со воелавомо молови емоу тако еси возложило то слово такоко доведи аже ти возомолови коснатино дала роукоу аза зате ты же браце господине молови емо тако

Внешняя сторона

Оже боудоу люди но мою сътроу оже боудоу люди при комо боудоу дала роукоу за зате то те а во вине ты пако брате испытано которое слово звело на ма и пороукоу а боудоу люди на томо тобе не сетра а моуежеви не жена ты же ма и потени не зера не Федора и дала ма доци коуны людеми с ызветомо а заклада просила и позовало мене во погосто и азо прехала оже оно поехало проце а река тако азо солио . д . дворано по гривене съвра

Перевод: «От Анны поклон Климяте. Господин брат, вступишь за меня (попроси, похлопочи) перед Коснятином в моем деле. Сделай ему теперь через людей [следующее] заявление о его неправоте: «После того, как ты возложил поручительскую ответственность на мою сестру и на её дочь (т.е. заявил, что они поручители) [и] назвал сестру мою курвою, а дочь блядью, то теперь Фед (Федор), приехавши и услышав об этом обвинении, выгнал сестру мою и хотел убить».

Так что, господин брат, согласовавши с Воеславом, скажи ему (Коснятину): «[Раз] ты предъявил это обвинение, так докажи». Если же скажет Коснятин: «Она поручилась за зятя», - то ты, господин братец, скажи ему так: «Если будут свидетели против моей сестры, если будут свидетели, при ком она (букв.: я) поручилась за зятя, то вина на ней (букв.: на мне)». Когда же ты, брат, проверишь, какое обвинение и [какое] поручительство он (Коснятин) меня взвел, то, если найдутся свидетели, подтверждающие это, - я тебе не сестра, а мужу не жена. Ты же меня и убей, не глядя на Федора (т.е. не принимая его во внимание).

А давала моя дочь деньги при людях, с публичным объявлением и требовала заклада. А он (Коснятин) вызвал меня в погост, и я приехала, потому что он уехал со словами: «Я шлю четырех дворян за гривнами серебра (т.е., чтобы они взяли положенный штраф)» [Зализняк, 1995; 417].

Трактовке этого письма посвящено большое количество работ. [W. Vermeer, 1999, А.А.Гиппиус и др.]. На наш взгляд, более достоверной можно считать версию прочтения памятника А.А. Гиппиусом. Вероятно, дочь Анны в отсутствие своего мужа давала в рост деньги, порученные тому Коснятином. По её недосмотру (она не настояла на получении заклада) одна из сумм оказалась утраченной (должник отказался возвращать долг, отрицая акт займа). Узнав об этом, Коснятин потребовал деньги с Анны, заявив, что она

была поручительницей за своего зятя. Когда Анна отказалась отдавать деньги, отрицая факт поручительства, Коснятин назвал её – гулящей женщиной, а дочь (или может быть только её) обманщицей. Вернувшийся домой муж Анны, Федор, узнав об этом и полагая обвинение небезосновательным, пришел в ярость и выгнал жену из дома. Тем временем Коснятин вызвал Анну в погост для официального судебного разбирательства. Однако когда Анна туда приехала, Коснятин уже уехал оттуда в Новгород, заявив, что посылает судебных исполнителей для взыскания долга [Зализняк, 2004; 416].

Анна вызвана в суд – «в погост», следовательно, она относится к сословию смердов, как это следует из традиционной формулы новгородских докончаний: «...кто купецъ, пойдѣтъ в свое стѣ, а смерд пойдѣтъ в свои погостѣ». То, что вызов в погост равносителен вызову в суд, очевидно из положения Псковской Судной грамоты, указывает В.Л. Янин: «А которой позовник пойдѣт исца звати на суд, и той позванный не пойдѣт на погост к церкви позывницы чести, или стѣлится от позывницы, ино позывница прочести на погосте перед попом». Это замечание важно потому, что грамота написана, по всей вероятности, самой Анной и является лишним подтверждением тому, что грамотными на Руси были не только знатные люди, но и простые «смерды». О том, что послание было написано самим автором, говорит огромное количество ошибок, большинство которых исправлено непосредственно по ходу написания. Почти все погрешности относятся к одному и тому же типу: это пропуск буквы или слога. Автор как будто всё время спешил, постоянно перескакивая вперёд, и причиной тому было, по всей видимости, возбужденное состояние Анны. Отметим некоторые из них. Ошибки, исправленные по ходу письма: в начале слова господине (строка 1) сперва было *гс*, в *прѣехаво* – на *прѣхаво*, в *господинѣ братѣ* – *господи кратѣ*, в *то слово* – *то сов*, в *просила* – *попросила*. Кроме того, исправлены: *доцере* на *доцерь* (строка 3), *то* на *такѣ* (строка 7), *молоке* на *молови*, *коуно* на *коуны*; в этих случаях мы имеем дело с орфографическими или смысловыми улучшениями. Ошибки, оставшиеся неисправленными: пропуск буквы *с* в *сьтроу* (2 раза), *сетроу*, *сетра*; *коровоу*, вероятно, вместо *коуровоу* (недописанное *у* в диграфе *оу*, видимо, в результате спешки или волнения) и некот.др.

Отметим также две погрешности иного порядка. В одной из речей, которые Анна хочет вложить в уста Клима (оже *боуду* людн на мою *сьтроу*...), дважды употреблено 1-ое лицо вместо 3-го: *боуду* *дала* вместо *боудѣ* *дала* и *а ко винѣ* вместо *она ко винѣ*. Разумеется, психологически эти свои легко объяснимы – но только в том случае, если Анна сама писала грамоту. У писца для подобных ошибок никаких психологических оснований не было.

Обратимся к рассмотрению средств репрезентации субъективной модальности в грамоте № 531.

Анализ средств выражения модальности на лексико-фразеологическом и словообразовательном уровнях показал следующее.

Прежде всего отметим, что адресная форма со словом **покло(нъ)**, используемая в грамоте, – один из самых ранних примеров в берестяных грамотах. И подобное начало письма, безусловно, подчеркивает уважительное отношение к адресату.

И далее, обращаясь к брату, Анна называет его не только уважительно – **брате господине**, но и **браще господине**, используя форму с уменьшительно-ласкательным суффиксом, что, безусловно, позволяет ей подчеркнуть особое **теплое отношение** к нему, она **надеется на родного человека**, его помощь и защиту.

Использование инвективной лексики (**назовало еси сытроу мою коровую и дочери бладею**) также вполне объяснимо. Причем заметим, что, на первый взгляд, здесь использованы синонимы: слово **күрва** имеет значение «гулящая женщина» (Срезневский, т.1, 1377), **бладь** – в третьем значении «прелободейка» (там же, 123), однако последняя лексема в первом значении у Срезневского – «обманщик», именно с этим значением Анна и употребляет его в письме – **назвал меня гулящей, а дочь – обманщицей**, так как именно дочь ввела в заблуждение (по мнению Коснятина) свою мать, которая так неосмотрительно поручилась за зятя. Эта лексика должна **усилить воздействие** на брата, заставить его принять участие в решении судебного дела. Анна дословно приводит слова обидчика, чтобы **убедить** брата в том, что Коснятин действительно обвинял ее и создал такую ситуацию в семье, что муж даже хотел убить её. Само выражение **хотело потати** также здесь использовано для **усиления**, для придания **большего трагизма** ситуации, ведь вряд ли можно представить, что муж Анны на самом деле собирался её убить.

Анна настолько уверена в своей правоте (модальный оттенок **уверенности**), что предлагает брату, чтобы и его убедить в этом, если найдутся свидетели её неправого поступка, не только прервать их родственные связи – **на томо тебе не сетра а моуежеви не жена**, но и предать её смерти – **ты же ма и потени не зера не Федора (ты же меня и убей, не глядя на Федора)**. Эти слова, по мнению Анны, должны заставить Климату поверить в её невиновность, а, следовательно, заставить его приложить все силы для того, чтобы помочь в разрешении тяжбы.

Модальный оттенок, безусловно, присутствует и в употреблении слова **возмолони** – **аже ти возмолони коснятинно дала роукоу за зате** (досл.: *если будет Коснятин возражать, предъявлять обвинение, что я ручалась за зятя...*), ведь Анна уверена, что Коснятин будет именно **возражать (возмолонити)**, а не просто **говорить (молвити)**. Оценочная модальность налицо.

Интересно обратить внимание на употребляемую автором письма конструкцию, по характеру своему похожую на устойчивое сочетание – **възложило порукү**: А.А.Зализняк полагает, что глаголы **възложити** и **възвести** означают «взвести» в том же смысле, как и в современном **возвести на кого-либо напраслину**, то есть «утверждать (как правило, ложно), что данный человек нечто совершил (или сказал)». В контексте данной грамоты **възложити (възвести) порукү** имеет значение «приписать поручительство»

(т.е., по мнению автора письма, это *навет*, *напраслина*, потому что Коснятин хочет извлечь из этого поручительства некую корысть) [Зализняк, 2004; 416]. Если принять точку зрения исследователя, то становится понятно, что Анна, используя указанное выражение, еще более подчеркивает негативную характеристику Коснятина, и здесь, таким образом, ярко проявляется *оценочная модальность*.

На морфологическом уровне модальность выражается глагольными формами.

Безусловно, модальной является форма будущего сложного II, состоящего из глагола *бѹдоу*+причастие на -лѣ, имеющего значение *возможного в будущем проявления прошлого действия*: *оже бѹдоу люди при комо бѹдоу дала роукоу за зятѣ то...* – «если *окажутся* (в будущем) свидетели того, что я (в прошлом *ручалась* за зятя), то...». Напомним, что будущие сложные времена (и будущее I, и преждебудущее) в древнерусском языке можно назвать модальными, так как вспомогательные глаголы в их составе всегда вносили дополнительные модальные оттенки (см. Хабургаев, Мустафина, 1985). Обратим внимание, что субъективная модальность еще более усиливается за счет использования устойчивого сочетания *дати роукоу* – не просто *поручиться*, а *клясться* (Срезневский, т. I, 633; ср. совр. *дать руку на отсечение*).

Активно используемые формы повелительного наклонения репрезентируют различные дополнительные модальные оттенки: *просьбы*: *братѣ господинѣ попецалоуи о моем орудѣ коснатиноу* (*похлопочи о моем деле*), *должествования*: *молови емоу тако* (*скажи ему так*), *пожелания*: *ты же ма и потени не зера не Федора* (*ты же меня и убей, не оглядываясь на Федора*), *настоятельного требования* – *извета емоу* (*скажи ему*), *еси возложило то слово такоко доведи* (*если обвинил, то докажи*). При этом отметим, что *печаловати* (*попечаловати*) *кому о чемъ* в более позднее время чаще всего переводится как «ходатайствовать перед кем-либо», например: *Пишешъ къ намъ о томъ, что выхъ о тобѣ печаловалъ .. великому князю* [Словарь русского языка XI-XVII вв., Вып. – I, М., 1975]. Судя по содержанию письма, как это представлено Анной, данное выражение все же имеет несколько иной смысл: Климьята должен не просить Коснятина, а при помощи юридических законов защитить сестру.

Можно отметить и некоторые особенности в употреблении личных местоимений. В.п. от я имеет вид *ма* в *возкело на ма* и *ты же ма и потени*, но *мене в* и *позовало мене во погостго*. На наш взгляд, в последней фразе есть элемент эмпазы (*не кого-нибудь, а меня*). Обращает внимание и повторяющееся местоимение второго лица *ты*, которое вносит *уточнение* (*ты же ма и потени*), особенно в сочетании с обращением в форме звательного падежа – *ты же браце господинѣ молови* – где чувствуется особое, *уважительное отношение* Анны к своему брату, от которого ждет помощи.

На синтаксическом уровне отметим часто используемые условные конструкции, выражающие модальный оттенок предположительности:

1. ..*тако еси возложило то слово такоко доведи*;

2. ..аже ти возомовни коснатино дала роукоу за зате ты же браце господине мовни емо тако;

3. Оже боудоу люди но мою сьтроу оже боудоу люди при комо боудоу дала роукоу за зате то те а во вине..;

4. а боудоу люди на томо тобе не сестра а моуежеви не жена ты же ма и потени не зера не Федора.

Только во 2 и 3 предложениях есть союзы *аже* и *оже*, при помощи которых и создается модальное значение *предположения*. Еще более ярко оно проявляется в 4 предложении, начало которого можно перевести как: *а окажутся (найдутся) свидетели, тогда я тебе не сестра, а мужу не жена....* Здесь не только условие, но и *возможность в будущем проявления этого условия*. В 1 предложении – (раз) ты предъявил обвинение, докажи – сам строй синтаксической конструкции выражает не просто *предположение*, но и *сомнение* в возможности привести доказательства.

Синтаксический параллелизм с отрицанием в 4 предложении – на томо тобе не сестра а моуежеви не жена призван усилить аргументацию, убедить адресата в правоте своих доводов. А.А.Зализняк полагает, что это устойчивая формула древнего происхождения, употребляемая как клятва [Зализняк, 2004; 420].

Таким образом, авторская модальность в исследуемой грамоте выражается при помощи различных средств: *использования лексических единиц с аффиксами субъективной оценки, инвективной лексики, модальных глаголов, употребления устойчивых сочетаний, обращений, форм императива, форм преедбудущего времени, условных конструкций*.

Скрупулезный анализ языка грамоты № 531 позволяет представить образ автора письма. Анна образованная, деловая древненовгородская жительница. Она обращается за помощью к брату с эмоциональным посланием, излагая подробно и красочно суть конфликта и требуя(!) от брата помощи. Отмеченные в письме ошибки исправляются автором по ходу письма. Можем предположить, что допущены они лишь из-за того, что Анна находилась в возбужденном состоянии, переживая за своих близких и за себя, пытаясь донести до брата свои чувства и мысли, точно передать суть своей проблемы.

Заметим, что уже одно это делает невероятной выдвигавшуюся нередко гипотезу о том, что автором этого и других подобных писем был площадной писец. Если бы дело обстояло таким образом, вряд ли были бы допущены подобные погрешности в написании, текст письма выглядел бы гораздо более стандартным по форме, менее эмоционально напряженным и бесцветным. Выражения такого типа: «я поручилась», «вина на мне», написанные по ошибке вместо «она поручилась», «вина на ней», легко объясняются только в том случае, если это писала сама Анна.

Возможно, что до замужества Анна относилась к более знатному сословию, получила в детстве хорошее образование. Подтверждение начитанности и образованности автора можно увидеть в некоторых особенностях данного письма: например, в использовании в выражении *а река*, где союз *а* употреблен совершенно так же, как, например, в *а ркучи* в «Слове о

полку Игореве», а **ркѣ**, а **ркѣчи** в псковских летописях и др. [см. примеры И.И. Срезневский Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. III. СПб., 1893.1903.]; в употреблении формулы **брате господине**, которую можно сравнить с примерами из «Сказания о Борисе и Глебе» Успенского изборника: **ведѣте мѣ къ князю вашему а къ братоу моemu и гноу**. Истоки этой формулы восходят к греческой эпистолярной традиции, как указывает Факкани [Факкани, 1999; 111].

Другое послание представляет собой письмо-требование, автором которого является новгородец Савелий, обвиняющий своего адресата, Максима, в том, что попал в сложную жизненную ситуацию.

Грамота №272(нач.80-х годов XIVв.)

**Ѣ савелиа ко максиму како стоа приши конь
цemu ма еси погубилъ • въ другы радъ рать ударила
подо копорню • а ма • безъ другого коня животъ
пометаль • а иное розрональ : а нонѣ приши[и]...
полохели бѣде на одиному конѣ • нѣ дома...
ни дрова • ни матери послати на цемъ •**

Перевод: «От Савлия к Максиму. Немедленно пришли коня. Зачем ты меня погубил? Второй раз рать ударила под Копорьем, и я без второго коня имущество побросал, а иное растерял. Пришли же теперь...Если будет тревога, на одном коне нет дома [возможности что-то сделать] ...ни дров, и матери послать не на чем...» [Зализняк А.А., 1995; 492].

Это послание от некоего Савелия к боярину Максиму Онциферовичу из рода Мишничей очень эмоциональное. В каждом предложении использованы самые различные языковые средства выражения субъективной модальности.

Показательно начало: нет никаких принятых зачинов – ни поклон, ни покланяние, ни изображения креста. Это свидетельствует о психологическом состоянии адресата – он в гневе и растерянности, поэтому, вероятно, не считает нужным использовать какие-либо этикетные формулы.

На лексико-фразеологическом и словообразовательном уровнях отметим слова с оценочным значением: **како стоа** (*немедленно, сейчас же пришли* – досл. *как стоишь*, т.е. *не сходя с места, тут же*. – Зализняк, 1999; 493), **цemu.. еси погубилъ** (*зачем погубил*), **животъ пометаль а иное розрональ** (*имущество побросал, а иное растерял*), **нонѣ приши[и]** (*сейчас же пришли*). Слова **како стоа**, **нонѣ** подчеркивают *необходимость скорейшего решения* проблемы, и в этом автору должен помочь именно Максим (судя по содержанию грамоты, он, вероятно, каким-то образом виноват в сложившейся ситуации). Особенно показательны в плане выражения модальности глагольные образования. Форма **погубилъ**, с приставкой **по-** (а не **загубилъ**, например) позволяет автору эмоционально выразить свою мысль, свое осуждение по отношению к адресату – приставка вносит значение полноты действия, т.е. *погубил* окончательно, в этой форме большая *безысходность* и большой *трагизм*. В глаголе **пометаль** (*побросал* – Срезневский, т.2; 1157), приставка **по-** уже с другим значением: она подчеркивает особый характер действий автора – побег был *беспорядочный и стремительный* (*бежал, теряя на ходу*

все свое имущество), это значение поддерживается также приставкой *роз-* в следующем глаголе *розрнхаль* (*растерял все*). Картина отступления изображена очень эмоционально.

На морфологическом уровне обращает внимание дважды повторенная форма императива *пришли* в 1 и в 4 строках послания: это дает возможность автору подчеркнуть *настоятельную необходимость* для адресата выполнить требования Савелия.

Среди синтаксических особенностей, выражающих субъективную модальность повествования, отметим фразу с повторяющимся отрицанием при однородных дополнениях *на одином конѣ нѣ дома... ни дровна ни матери послати на цемѣ*. Такое использование подобной конструкции, безусловно, имеет целью *усилить воздействие* на адресата *безысходностью* своего положения, чтобы *заставить* его выполнить требуемое.

Анализ средств выражения субъективной модальности в данной грамоте позволяет представить образ автора письма. Очевидно, Савелий не простой селянин, так как позволяет себе на равных общаться с боярином Максимом Онциферовичем, более того, он считает возможным выдвигать ему обвинения и не просить, а требовать ответа за совершенное и помощи в сложившейся ситуации. Это человек, эмоционально переживающий предательство Максима, которому, вероятно, доверял.

Таким образом, исследование приемов и способов репрезентации модальных значений показало, что набор средств реализации авторской модальности в мужских и женских грамотах одинаков.

На лексико-фразеологическом уровне проявления авторской модальности можно отметить использование оценочной, модальной и инвективной лексики: *сирота, дѣтатица, моя хуѣдсть, бѣзоумне, зло имееши, како стол (немедленно, сейчас же пришли), цемѣ.. еси погубилъ (зачем погубил), животъ пометаль а иное розрнхаль (имущество побросал, а иное растерял), нонѣ пришл[и] (сейчас же пришли), а намѣ осподине немоч[ь]но жить и др.* В грамотах встречается значительное количество устойчивых сочетаний и формул, известных по другим древнерусским памятникам или произведениям переводной литературы, имевших хождение на Руси: *тобе не сестра а мѡѣжеви не жена, добре створи, избикъ рѹкы, кодь ти мнѣ хльбъ тѣ и товѣ* и др. Субъективная модальность в исследованных письмах передается также глаголами *бѹдѹ, могоу* и особенно *имамѣ*, которые в древнерусском языке вносили модальные оттенки *возможного проявления действия в будущем, возможности/невозможности*, а также значение неизбежности, неотвратимости действия.

На словообразовательном уровне разнообразные модальные оттенки могут выражаться через употребление аффиксов субъективной оценки: *братце, насмнхати, притькль, съгнагѣ* и др.

На морфологическом уровне наиболее ярко модальность проявляется в использовании различных глагольных форм: повелительного наклонения (*не данте савѣ ни одного песца, а да намѣ смирного члвкка*), форм давнопрошедшего времени - *оставили мѣ былн* (бросили меня). форм

простого будущего и особенно сложных будущих времен – **оже воудоч люди при комо воудоч дала роукоу за зате го..** – «если окажутся (в будущем) свидетели того, что я (в прошлом ручалась за зятя), то...», форм инфинитива: **исправити было, послати, отъвыти** и др.

На синтаксическом уровне среди средств, используемых с яркой модальной окраской, отметим обращения (**вратье, господине**), которые могут находиться в начале, в середине предложения, повторяться в каждой фразе послания, формы сослагательного наклонения в сочетании с модальными словами **радъ быхъ послале**, использование вводных конструкций (**укупи ми кланяюся швса у шндрем**).

Отметим, что субъективная модальность может проявляться уже в этикетной формуле при помощи использования различных средств – **поклонъ ко юрю и к мнѣснмъ ѿ вснхъ шротъ**.

Однако исследование позволяет констатировать, что соотношение способов модальной репрезентации в мужских и женских грамотах различно.

В письмах, авторами которых являются женщины, наиболее употребительными средствами объективации авторской модальности являются:

- *эмоциональная, тщательно подобранная лексика*, передающая тонкие нюансы смысла и позволяющая автору точнее передавать свои мысли и чувства, актуализируя различные оттенки модальных значений;

- *лексемы с повторяющимися корнями*, усиливающие воздействие на адресата;

- *устойчивые выражения*, придающие сообщению особую яркость и выразительность, в том числе конструкции, восходящие к книжной традиции, что свидетельствует об образованности и начитанности новгородской женщины;

- *формы сослагательного и повелительного наклонений* в составе условных конструкций, позволяющие актуализировать модальные оттенки возможности, долженствования, необходимости, желательности, побуждения и др.;

- *формы сложных будущих времен*, репрезентирующие такие модальные оттенки, как возможное, желательное или необходимое в будущем проявление действия;

- *обращения*, дающие возможность подчеркнуть уважительное отношение к адресату, надежду на помощь;

- *личные местоимения* в роли подлежащего для логического выделения производителя действия.

В мужских грамотах все перечисленные средства также присутствуют, но более частотными являются следующие:

- *формы императива*, позволяющие выразить не столько пожелание, сколько настойчивое требование, приказ и даже угрозу;

- *обращение*, дающее возможность подчеркнуть уважительное отношение к адресату, акцентировать его внимание на излагаемой позиции;

➤ *порядок слов*, при котором препозиция или постпозиция второстепенных членов помогает автору акцентировать самые разные модальные оттенки: уточнение, усиление основных значений, акцентирование дополнительных смыслов и оценки собственного отношения как к обстоятельствам описываемых событий, их характеристике, так и к участникам этих событий;

➤ *формы простого будущего*, реализующие оттенок обязательности совершения действия;

➤ *формы сослагательного наклонения*, при помощи которых автору удается передать жесткое требование, предупреждение, угрозу.

Тематика женских грамот также своеобразна. Чаще всего в своих посланиях женщины касаются проблем личных, семейных и бытовых: любовь, ревность, скорбь об умершем муже, переживания за детей, стремление устроить их жизнь и т.д. Однако при этом женщины могут касаться в своих письмах и деловых вопросов, в первую очередь, это проблемы, связанные с решением имущественных споров, наследственными делами и др.

В связи с этим образ древнерусской женщины по материалам берестяных грамот выглядит весьма значительным: она участвует во всех сферах общественной жизни как на семейно-бытовом уровне, так и в деловом «мужском мире». Женщина являлась юридически грамотным и ответственным перед законом лицом, что подтверждается текстами ряда грамот (№№ 9, 531, 644, 752, 731, грамота Звен.№2, 49). Она могла находиться в переписке не только со своими родственниками, но и обратиться за помощью к судебному исполнителю в том случае, если были нарушены её права в сфере семейных отношений, т.е. когда она терпела притеснения от кого-либо из членов семьи. И в каждом таком послании мы не только слышим её голос из глубины веков, но и ощущаем те переживания, которые испытывала она в момент написания «грамотицы»: боль, печаль, обиду, радость, гордость за мужа или детей и др. Современному исследователю надо только внимательнее вчитываться в текст древнего послания.

В мужских грамотах превалирует деловая тематика: это имущественные претензии, жалобы на тех или иных обидчиков, деловые сообщения, их оценка и т.п. Личные темы практически не затрагиваются, даже в письмах к матери или супруге.

В результате такого анализа за скупыми строками письма перед нами встает образ автора, древнего новгородца. В одних случаях, это деловой человек, порой очень занятый, не имеющий времени писать подробные послания, в других – это мужчина, имеющий собственное мнение по вопросам, поднимаемым в письме, стремящийся четко обозначить свою позицию, требующий вполне определенной реакции со стороны адресата; в отдельных посланиях (прежде всего челобитных) перед нами человек, находящийся гораздо ниже, чем его адресат в социальном отношении, и даже зависимый от него, но позволяющий себе смело высказывать свое мнение о действиях и поступках своего господина и, порой, не просто рекомендовать ему стиль поведения, но и требовать, указывать, как необходимо поступить тому в той или иной ситуации. Это характеризует его как человека, имеющего твердые

принципы и свои представления о нормах человеческих отношений, которым он дает оценку в своих посланиях.

Как видим, лингвистическое исследование текста грамот, а также анализ ошибок и описок, сделанных их адресантами, во многих случаях позволяет воссоздать образ автора, его характер, чувства, его миропонимание, представление о добре и зле, нормах взаимоотношений в обществе и т.п. При этом образ автора-женщины проявляется более ярко и многогранно, чем образ автора-мужчины, что связано с тем, что женские грамоты более эмоциональны и более психологичны по своему содержанию.

Таким образом, все тексты берестяных грамот представляют собой замкнутую систему, так как, являясь результатом индивидуального творчества, обнаруживают присутствие автора, совпадающего с понятием субъекта речи, реализующего в создаваемом тексте свои суждения о предмете речи, его пространственных, временных и иных характеристиках, свои оценки описываемым событиям, собственным поступкам, а также действиям других лиц, являющихся предметом речи. Именно таким образом проявляется в берестяных грамотах авторская (субъективная) модальность, для максимального выражения которой, как показал анализ, используются самые разнообразные средства.

В заключении представлены основные выводы исследования, которые подтверждают вынесенные на защиту положения, а также намечают перспективы дальнейшей разработки проблемы.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих работах:

I. Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Стрекалова, Е.Т. Модальность как текстообразующая категория (на материале новгородских берестяных грамот) / Е.Т. Стрекалова // Вестник Тамбовского университета. – Серия «Гуманитарные науки». – Тамбов, 2008. - Вып. 3 (59). – С. 167-169.
2. Стрекалова, Е.Т. Авторская модальность как ключевая текстовая категория / Е.Т. Стрекалова // Известия Самарского научного центра РАН. – Специальный выпуск «Технологии управления организацией. Качество продукции и услуг», 2008. – Вып. 7. – С. 72-78.
3. Стрекалова, Е.Т. Языковая ситуация в древнем Новгороде в XI-XV вв. / Е.Т. Стрекалова // Известия Самарского научного центра РАН. – Специальный выпуск «Технологии управления организацией. Качество продукции и услуг», 2008. – Вып. 7. – С. 79-86.

II. Публикации в других научных изданиях:

1. Стрекалова, Е.Т. Основные грамматические особенности древненовгородского диалекта (на основе берестяных грамот). / Е.Т. Стрекалова // Непрерывное образование в теории и методике педагогических исследований: сборник научных трудов/ Под ред.

- Ю.И. Дика, Г.П. Корнева. – Тольятти: Институт общего среднего образования РАО, Тольяттинский государственный университет, 2003. – С. 338-344.
2. Стрекалова, Е.Т. Особенности выражения авторской модальности в берестяных грамотах. / Е.Т. Стрекалова // Текст: Теория и методика в контексте вузовского образования: Сборник научных трудов и материалов I Всероссийской конференции «Текст: теория и методика в контексте вузовского образования». – Тольятти: ТГУ, 2003. – С. 491-169.
  3. Стрекалова, Е.Т. Берестяные грамоты как памятник древнерусской культуры. / Е.Т. Стрекалова // Тезисы докладов XXIX Самарской областной студенческой научной конференции – Ч. II. – 2003. – С. 21-22.
  4. Стрекалова, Е.Т. Историзм как обязательный принцип преподавания на уроках русского языка (на основе берестяных грамот). / Е.Т. Стрекалова // Вопросы современной филологии и методики обучения языка в школе и вузе: сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза: РИО ПГСХА, 2004. – С. 265-267.
  5. Стрекалова, Е.Т. Особенности выражения авторской модальности в древнерусских письмах на бересте/ Е.Т. Стрекалова // Международный молодежный форум «Ломоносов – 2005». Сборник тезисов XII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». – Москва: МГУ, – 2005. – Т.IV. – С. 437-438.
  6. Стрекалова, Е.Т. Антропоцентрические аспекты изучения языка и основы теории языковой личности. / Е.Т. Стрекалова // Текст: Теория и методика в контексте вузовского образования: Сборник научных трудов и материалов II Международной конференции. – Тольятти: ТГУ, – 2006. – С. 43-45.
  7. Стрекалова, Е.Т. Новгородские берестяные грамоты – уникальный памятник древнерусской письменности. / Е.Т. Стрекалова // Теория и методика: Сборник статей преподавателей факультета филологии и журналистики ТГУ. – Тольятти: ТГУ, 2006. – С. 89-95.
  8. Стрекалова, Е.Т. Образ женщины в новгородских частных письмах на бересте (на примере грамоты №531). / Е.Т. Стрекалова // IV Международная мемориальная научная конференция «Предложение и слово», посвященная 80-летию саратовских лингвистов В.С. Юрченко и М.В. Черепанова – Саратов, 2007. – С. 89-95.

Подписано к печати 23.04.2012 г.
Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура TNR.
Печать оперативная.
Тираж 100 экз., заказ № 6654

Отпечатано в типографии Ника.
Лицензия на полиграфическую деятельность №004812968 от 19.09.2008г.

10 ~